

Неизвестная роль Сергея Никоненко

Никоненко Сергей

20.10.03

В прошлом номере мы обещали опубликовать интервью со знаменитым актером Сергеем Никоненко, который объехал с выступлениями уже 60 школ нашего округа: школьникам Сергей Никоненко читает стихи Есенина. Сегодня выполняем обещание.

— Сергей Петрович, вы стали на Ленина похожи. Рыжие волосы, борода...

— Это для новой роли. Главная роль в 12-серийном фильме по историческому роману Пикюля «Богатство». Снимали мы на Камчатке, потом месяц в Приозерске. Но я играю, конечно, не Ленина, а главного редактора газеты, которого губернатор Дальнего Востока назначает начальником Камчатского уезда. Начальником Камчатки, короче говоря. Это происходит в конце первой серии, и остальные одиннадцать серий — его история...

— И каковы были журналисты сто лет назад? Так же их называли продажными?

— Тот, которого я играю, — один из принципиальных, честных и порядочных. Он сам развенчивал грабителей Камчатки, тех, кто разбазаривал ее богатства и спаивал местное население.

— А вы сегодняшнюю жизнь российской провинции представляете себе?

— Я только что из самой глубинки. Мы были севернее Ладоги, в совершенно глухих деревнях. Суровая, необыкновенной красоты природа. На камнях растут деревья и ягель — такой салатный «металлик». Но впечатление у меня печальное. Я не могу скрыть этой печали, потому что видел очень много больных людей. И чаще всего эта болезнь связана с алкоголем.

— Пьют?

— Я не видел, как они пьют. Но на лицах многое отразилось.

— У вас нет ощущения, что деревня совсем спивается?

— Да, есть, знаете. Но, с другой стороны, я вам скажу, что слышу это уже лет 30.

— Я, прочитав вашу биографию, удивился тому, что вы — коренной москвич. По вашим ролям кажется, что вы — человек провинции.

— Просто я хорошо эту жизнь знаю. Каждое лето ребенком меня отправляли в деревню. И даже в 41-м году я попал в эту деревню с мамой, там застали нас фашисты. Это под Вязьмой, в Смоленской области, где начало Днепра. Когда я уже подросток, лет в 10-12, мы с мальчишками в ночное ходили. Вместе с сельскими ребятами я стогавал сено, помогал взрослым. Сидеть на лошади — это всегда удовольствие. К большим животным ребятами всегда тянет. Мы картошку пекли, рыбу ловили. Меня, кстати, на роль сельского жителя впервые взял сам Шукшин, Василий Макарович...

— А ваши родители кто?

— Отец у меня до войны и в войну — шофер, после войны руководил охотно-рыболовной секцией спортивного общества «Динамо». Кабинет его находился прямо под трибуной московского стадиона «Динамо», поэтому всю весну и осень я проводил на стадионе. Вырос я в форме «Динамо», так что не спрашивайте, за кого я болею — за «Динамо-Москва». Как бы они не играли. А мама — стеклодув, вот такая мужская профессия. Работала в Петербурге, тогдашнем Ленинграде, на заводе «Светлана». Папа ее там нашел и привез в Москву. Здесь она работала на электроламповом заводе. Папа был громадный, а мама очень маленькая была. Я в маму, наверное.

— Я читал, вы уже в 13 лет решили стать актером, что необычно для совсем не артистической семьи...

— Это произошло в пионерском лагере. Как говорят фран-

Сергей Широков и Сергей Никоненко — на приеме избирателей в Росткине

цузы — «шерше ля фам». Я влюбился в девочку. Ей было десять лет, она занималась в драмкружке, и я — за ней. Она, правда, оттуда довольно быстро ушла, а я задержался надолго. В лагере меня наградили тортом с надписью «Лучшему артисту лагеря», мы его всем отрядом ели. А после школы я поступил в 4 театральные вуза, но ни в один меня не приняли. Остался только ВГИК, куда я вовсе не хотел поступать — это же через всю Москву ехать на троллейбусе! А там набирал мастерскую Сергей Апполинарьевич Герасимов, и он меня взял. А потом я уже был очень признателен четырем театральным вузам за то, что они меня не приняли. Папа, кстати, вначале не верил в мою актерскую карьеру. Когда я ему показал студенческий билет ВГИКа, он покачал головой: «Ну, может, будешь руководить драмкружком в депо Вязьма-товарная». Правда, он скоро увидел меня в кино и по телевизору, — я очень рано начал сниматься. Папа собирал все газетные рецензии и статьи обо мне — ему это было очень приятно...

— А та девочка так и осталась в детстве?

— Через 10 лет она стала моей женой. Я стараюсь добиваться того, к чему сердце прикипает. Но, к сожалению, так бывает иногда в жизни, — люди расходятся. С моей нынеш-

ней женой мы прожили 30 лет, нашему сыну 29.

— В сериале про «Каменскую» вы играете полковника из МУРа. Хорошего полковника из хорошего МУРа. А как вы отнеслись к напущенной истории с разоблачением «оборотней» в МУРе?

— Я и предполагал, что они должны быть там, особенно в наше время. Я сам на себе это испытал, попробовав заняться малым бизнесом. Жена у меня очень хотела открыть небольшой продовольственный магазинчик. Мы купили помещенье в Бутово, но нас задушили поборами... Магазин все время в минусе — отдаешь, отдаешь, они снова приходят, им все мало. Троглодиты ненасытные.

— И закрыли?

— Да.

— Вы играете в антрепризе, в спектакле по книге Пелевина «Чапаев и Пустота». Вам нравятся книги Пелевина?

— Если я чего-то не понимаю, я не берусь сразу это отрицать. Я с трудом прочитал книгу «Чапаев и Пустота». Но открытость режиссера, совершенно оголтелая, и убедительность Евгения Сидихина меня подкупили. Я согласился сыграть с ними, сказав: «Ребята, но не обессудьте, если я посередине репетиции скажу, что от вас ухожу». А что произошло? Я все время вклинивался, выяснял на репетициях:

«Ребята, давайте не будем делать зрителей идиотами. Давайте все-таки найдем смысл — про что мы рассказываем? Нельзя же играть про внутреннюю Монголию, славянский характер, влияние Востока на Запад — это слишком сложное построение. Давайте хотя бы определимся, где у нас происходит действие...» В общем, место действия мы как-то установили. Зритель, особенно молодой, с большим интересом смотрит спектакль. Я даже подчас удивляюсь, почему. Они что-то понимают такое, что в моем возрасте уже не понять.

— Сергей Петрович, откуда такая неожиданная идея — ездить по школам нашего округа и читать школьникам стихи Есенина?

— Это мне Сергей Валентинович Широков, ваш депутат Госдумы, подбросил идею. Он меня и к депутатской своей работе привлек, и в благотворительный фонд затащил — уговорил попечительский совет возглавить (мы там следим, на что именно тратятся благотворительные деньги, и моя задача — держать линию). Я вообще-то далекий от политики человек, но вот такая политика, когда речь идет о конкретной помощи людям, когда результаты благие можно увидеть и руками потрогать, — такая политика мне понятна. Правда, я с Сергеем Валентиновичем познакомился и подружился еще до того, как он стал депутатом Госдумы — на Алтае, когда отмечалось 70 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. В самолете и в автобусе мы, так сказать, хорошо прониклись, и я читал стихи. Я их пропасть знаю и могу читать много часов подряд. А потом Сергей Валентинович (он же сам из строителей) помог мне осуществить давнюю мою мечту: в селе Константиново, на родине Есенина, мы восстановили колокольню у церкви, где крестили Сережу Есенина. И пока колокольня восстанавли-

валась, мы часто с ним туда ездили. Я опять читал стихи — природа в Константинове к этому располагает, очень понятно, почему там должен был родиться Есенин. И Широков мне там однажды сказал: «А что ты в узком кругу читаешь? Давай, попробуй в наших школах...» Я раз попробовал, два попробовал, мне понравилось. Уже более чем в шестидесяти школах побывал.

— А школьникам — нравится?

— Я им говорю сначала: конечно, вы к другому привыкли. Выходит какой-нибудь придурок и говорит: «Я бамбук. Я московский тупой бамбук». И повторяет одно и то же 80 раз. А зачем повторять, если со 2-го раза понятно, что он тупой. Смеются. Потихоньку начинаю читать. Сначала чувствую — им неудобно, глупость какая — стихи. А потом начинают прислушиваться. Я читаю так, чтобы ребята получили представление о том времени: ведь Есенин прожил очень короткую жизнь, и в нее вместились три революции, три войны, разруха, голод, большевистский террор... И знаете, дети изумительно реагируют. Не могу сказать, что все, но большинство. Ведь Есенин — это душа, и не только русская. Не случайно он больше чем на 100 языков мира переведен.

— Вас совсем не смущает, что Есенин — это как-то не модно в светской «тусовке», как-то не вписывается в сегодняшний «мейстрим»?

— Нет. Я, видите ли, никогда не следовал моде. То носят, а то не носят — для меня это всегда на втором плане стоит. Лев Николаевич Толстой сам себе шил толстовку и сам себе тачал сапоги. Ему это интересно, наверное, было. В Хамовниках в музее стоят мужские туфли, которые Толстой сделал для Фета. Вот эти туфли меня потрясают больше, чем любой писк моды.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ